

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК 930

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О СУДЬБАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА

С.Л. Дударев

A NEW RESEARCH ON DESTINIES OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE CAUCASUS

S.L. Dudarev

Аннотация. В статье дается оценка нового монографического исследования известного российского историка, доктора исторических наук, профессора В.А. Матвеева, которое посвящено особенностям российского освоения Кавказа, заселявшегося представителями различных народов России, среди которых системообразующую роль играли представители русского этноса. Автор прослеживает особенности заселения Кавказа русскими и шире, восточнославянскими переселенцами, их состав и специфику статуса, проблемы его дефиниций, вопросы демографии, роль государства в организации российского освоения Кавказа с помощью восточных славян, диалектику его взаимоотношений с русским и горским этническим элементом.

Abstract. The article evaluates a new monographic study of a famous Russian historian, doctor of historical sciences, professor V.A. Matveev. It is devoted to the aspects of the expansion of the Caucasus by Russians, where various peoples of Russia got settled; among them the system-forming role was played by representatives of the Russian ethnic group. The author traces the features of the Caucasus settling by Russians and by East Slavic immigrants, their composition and status specifics, the problems of its definitions, the issues of demography, the role of the state in organizing Russian expansion of the Caucasus with the help of the Eastern Slavs, the dialectic of its relationship with the Russian and gortsy ethnic elements.

Ключевые слова: дерусификация, демодернизация, деиндустриализация, восточнославянская этносфера, старожильческое население, автохтоны, туземцы, согражданство, терско-гребенское казачество, религиозные диссиденты, старообрядцы, молокане, духоборы, колонизация, фронтирность.

Keywords: de-Russification, demodernization, deindustrialization, East Slavic ethnosphere, old-timers, autochthons, natives, co-citizenship, Terek-Grebensky Cossacks, religious dissidents, Old Believers, Molokans, Dukhobors, colonization, frontierism.

Проблема истории русского присутствия на Кавказе сегодня приобретает особое значение в связи с тем, что как российские субъекты этого региона, так и зарубежные ныне страны, находящиеся на его территории, подверглись

после 1991 г. процессу дерусификации, который знаменательно совпал с другими, не менее знаковыми и деструктивными явлениями – демодернизацией, деиндустриализацией и т. п. В связи с этим, появление нового исследования, которое обращено к начальному периоду заселения Кавказа представителями русского этноса, представляет большой интерес [1].

В.А. Матвеев определяет объектом своего исследования российский Кавказ в границах до революционного кризиса 1917–1921 гг., т. е. тех, которые были границами Российской империи. Предметом же работы историк видит особенности формирования *восточнославянской этносферы* и изменения в ней в ходе гражданской войны. Таким образом, при формулировании предмета автор делает важную оговорку, отмечая, что в поле его зрения будут не только русские, но и вообще все восточнославянские переселенцы на Кавказ в указанные им хронологические рамки. Ниже мы увидим, что для автора русская и восточнославянская идентификации для исследуемого им периода фактически синонимичны.

Во Введении автор изначально стремится провести важную мысль о том, что «колонизация» позволяла преодолеть локальную обособленность, создававшую препятствия при государственном совмещении, она способствовала интеграции Кавказа в состав России (с. 3). Не возможно не согласиться с В.А. Матвеевым в этом: один из аргентинских президентов XIX в., Х.-Б. Альберди, справедливо утверждал: «Править – значит заселять». В то же время, автору, полагаем, следовало бы дать четкое понимание дефиниции «колонизация», в отличие от термина «колониализм», подобно тому, как это делали ранее некоторые другие историки-кавказоведы [2].

Для определения статуса русских и восточнославянских переселенцев и их потомков на Кавказе для любого исследователя, занимающегося этим вопросом, очень важно также дать ту дефиницию, которая бы определила и обосновала их присутствие в стране гор. Автор сопоставляет определение «оседлость» с дефиницией «старожильческое население»¹ и ставит между ними знак равенства в смысловом плане. Одновременно В.А. Матвеевым используется термин «коренные жители», т. е. те, кто длительно проживает на данной территории и вносит вклад в ее хозяйственное развитие (здесь вспоминается фраза из Священного Корана о том, что земля принадлежит тем, кто ее оживляет). К «иноэтничным общностям» автором отнесено вовсе не восточнославянское население. Эти общности именуются историком «туземным», «иностранческим» населением, как в русских источниках (с. 6). Мы бы полагали, что следует отождествить термины «старожильческое» и «коренное» население, как очень близкие, по сути. Очень важно, что дагестанские ученые Б.Б. Булатов и Р.И. Сефербеков, стоя, практически, на такой же позиции, констатируют: «Дагестанские русские – один из коренных

¹ Этот термин традиционно применяется для обозначения длительно проживавших на территории Северного Кавказа групп восточного славянства и представителей ряда других народов (армян, грузин, горских евреев, греков, и др.).

этносов республики, проживающих в Дагестане со Средневековья» [3]. Что же касается «инородческого», то в археологии и этнографии существует прекрасный синоним данному термину – «автохтонное», т. е. «той земли» (синоним, на наш взгляд, дореволюционного термина «туземцы», который, полагаем, не носил уничижительного оттенка, как считалось в советский период). Автор использует его в главе III (с. 122) и поэтому есть все основания анонсировать применение такового уже во вводной части монографии. Приведенная выше градация необходима для того, чтобы легитимизировать присутствие восточнославянского населения на Северном Кавказе (появившегося здесь еще в средние века: часть населения Тмутараканского княжества, пленные «сакалиба» (славяне), поселенные Марваном в Дагестане в VIII в., пленники в золотоордынских центрах региона, казаки-бродники и т. д.) и снять с него вредное клеймо «колониаторства». Оно, к сожалению, присутствует в части кавказской историографии, прежде всего, зарубежной, а также в медиа- и блогосфере.

Значительная часть вводного раздела весьма симптоматично (см. выше) посвящена В.А. Матвеевым тому, чтобы доказать консолидированность восточнославянского населения всей России, а значит и кавказского региона вплоть до 1917 г., отсутствие сегментации в его среде на русских, украинцев и белорусов (с. 7), идея которой увязывается автором с национальной политикой партии большевиков. По существу, по В.А. Матвееву, русские, украинцы и белорусы до этого момента выступают как *субэтны русского народа*. В качестве подтверждения этой прежней «неразделенности» автор приводит суждение И.Х. Тхамоковой о том, что восточнославянское население Кабардино-Балкарии в конце XX в. считало себя русским (с. 12). На наш взгляд, подобная самоидентификация данного населения, известная автору данной рецензии (уроженцу г. Грозного) и по сопредельным субъектам Северного Кавказа того же периода, не является результатом некоей изначальной «монолитности» восточного славянства.

Это итог консолидационных процессов, шедших в среде восточнославянского населения региона с конца XIX в., жившего в иноэтничном окружении и осознававшего общность своих культур и исторических судеб (сам же автор не без оснований замечает: «условия экстремальности обостряли чувство общерусского патриотизма»). Более того, в связи с историей русского (восточнославянского) населения Кавказа и верной постановкой вопроса В.А. Матвеевым о становлении согражданства в Российской империи (с. 8), уместно ставить вопрос и о такой общности, как «русскоязычные». Но, разумеется, мы понимаем, что автор в данный момент не ставил перед собой такой задачи, требующей отдельного исследования. В то же время важно, что В.А. Матвеев указывает на дифференциацию, вбиравшую местную этническую специфику, в восточнославянской среде, которая сопровождалась особыми состояниями кодификации (с. 16). Здесь необходимо вспомнить о таком понятии, введенном еще М.Ю. Лермонтовым, как «кавказец» [4].

Популяция русских «кавказцев» может считаться конкретным отождествлением одним из указанных «состояний кодификации»¹.

В то же время преувеличивать монолитность восточного славянства до 1917 г. (в том числе и на Кавказе) и относить его дальнейшую дивергенцию только на счет результатов воплощения большевистских доктрин нациестроительства в 1920–1930-е гг., как это делает автор монографии, вряд ли стоит. Не будем забывать о том, что русский народ в целом был расколот в результате вестернизаторских реформ Петра I на две противостоящих друг другу «нации», что послужило в будущем одной из важнейших причин исторической драмы 1917 года. На Северном же Кавказе такой субэтнос русского народа, как казачество, не был вполне един с другими частями русского этноса. Мы имеем в виду т. н. «иногородних», подвергавшихся и дискриминации и эксплуатации со стороны станичников. Не стоит забывать и о том, как казаки-старообрядцы неприязненно относились к солдатам, находившимся на постое в терско-гребенских станицах. Для них горцы, связанные с казаками узами куначества, могли быть культурно и ментально ближе, чем «свои» россияне (см. «Кзаков» Л.Н. Толстого).

В емком обзоре состояния изученности проблематики, которая включает как работы дореволюционного, советского и современного российского периодов, в качестве квинтэссенции можно указать на констатацию Т.М. Шамба, который констатировал, что «ни один народ в составе России не исчез с лица земли» (с. 29), что напоминает фразу И. Ильина «Сколько народов Россия получила, столько их и соблюла». Особое место в историографическом анализе занимают работы Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, прежде всего идея «российскости», которая, по существу, является стержневой в понимании диалектики взаимоотношения русского (восточнославянского) элемента и местных этносов. Однако сама диалектичность данной концепции не получила вполне четкого позиционирования. Между тем, она основана на противоречии между теснейшим синтезом русских и нерусских компонентов (ярчайшим примером таковых является терско-гребенское казачество) и наличии принципа совместничества (= соперничества), которые также ярко демонстрирует история русского (в т. ч. казачьего) присутствия на Кавказе. Его народную формулу можно выразить словами из лексикона казака-черноморца о горских соседях («вдэнь мирній, а в ночі дурній»). Тем не менее В.А. Матвеев приводит одно крайне важное обстоятельство. Академические экспедиции, направлявшиеся в Дагестан в начале XX в., выявили отсутствие употребления русского языка

¹ Лермонтов выделял т. н. «настоящих кавказцев», т. е. длительно служивших на Кавказе офицеров, и «ненастоящих», статских, делавших здесь чиновничью карьеру, хотя и интересовавшихся местными древностями. В исторической перспективе к «кавказцам», по нашему убеждению, стали относиться и все те россияне-«старожильцы» («коренные»), которые стремились с уважением и пониманием относиться к местной этноязыковой и культурной специфике и в той или иной степени владеть ею.

в среде мусульманского населения (по автору, яркое свидетельство отсутствия т. н. «русификации»). Тем не менее, значительная часть местных горцев воспринимала Россию в качестве родины (с. 14). Это показали дальнейшие события Великой войны, когда на ее фронтах воевала Кавказская туземная конная дивизия (т. н. «Дикая дивизия»), в рядах которой не известно ни одного случая дезертирства. А ведь еще деда этих горских конников сражались против российских войск в «Кавказской войне».

Подводя итог вводного раздела, можно сказать, что В.А. Матвееву в целом удалось позиционировать важность темы создания российской этносферы на Кавказе, как системообразующего условия интеграции этого региона в состав Российского государства.

В *I главе* монографии «Становление представлений и концепций» представлена история складывания того дискурса, который, в конечном счете, привел к возникновению соответствующих научных основ, на которые опирается нынешнее понимание исследуемой проблемы.

Важную роль в анализе В.А. Матвеева имеют работы дореволюционных историков, которые, фактически, во многом и обуславливают исследовательские подходы автора. В основании представленного им историографического анализа лежит краеугольное суждение М.В. Ломоносова, весьма актуальное и на сегодня, о том, что государственная власть должна заниматься сохранением и размножением русского народа, что крайне необходимо для укрепления целостности России (с. 43). Другой основополагающей мыслью для изучаемой проблемы можно считать знаменитую фразу В.О. Ключевского о том, что «история России – это история страны, которая колонизируется». Еще одним опорным тезисом, вытекающим из работ М.П. Драгоманова, является та, что русская колонизация сопровождалась интеграционными трансформациями, приводившими к *общегражданскому состоянию* (с. 51). Иное дело, какими путями шло заселение российских территорий, каков был характер их колонизации, ее движущие силы и т. п. С.Ф. Платонов, М.К. Любавский и др. отмечали, что колонизационное движение, главным «мотором» которого являлось крестьянство, носило мирный и стихийный характер. Местный элемент вливался в среду переселенцев без принуждения, миро сожительствовал с русскими (с. 59, 76). Правительственная же инициатива не играла решающей роли (с. 61, 64). Переселенческое движение из Великороссии на какие-либо преимущества не опиралось (с. 72). Расширение границ государства не носило характер прямой завоевательной экспансии. Оно совершалось, по Любавскому, из соображений государственной безопасности (с. 65), ибо среди препятствий в деле закрепления восточных славян на южных порубежных территориях серьезную угрозу представляла набеговая экспансия (Казанское, Астраханское, Крымское ханства), требовавшая огромного напряжения государственных и народных сил (с. 69–70). Тот же Любавский указывал, что на долю завоеванных

областей относится всего 10 % территории¹. В то же время у С.Ф. Платонова можно найти указания на сложную внутреннюю мотивацию переселенческих движений. Мы имеем в виду то, что этот историк развитие русской колонизации после XIII–XIV вв. объяснял стремлением крестьян освободиться от зависимости, видел в этом проявления социального протеста, носители которого участвовали в формировании «взрывоопасной среды казачества» (с. 59). Еще одна серьезная проблема, которую порождало переселение, вернее недостаток численности вновь прибывших, заключалась в невозможности развития общественной самодеятельности и непомерном развитии центральной власти (с. 74) (М.К. Любавский).

Фактическим оппонентом дореволюционных авторов выступил В.И. Ленин, который в «Развитии капитализма в России» рассматривал переселение как акт во славу русификации окраин. Полагаем, он был отчасти прав, считая, что исход крестьян мог значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос, а переселение поощрялось в связи с приближением крестьянского движения в России (с. 57). Однако переселение могло указанный вопрос на местах и обострить, в связи с малоземельем, например, у горцев, что актуально в рамках изучаемой нашим автором темы. Любопытно приводимое В.А. Матвеевым мнение М. Славинского (1910), согласно которому русская колонизация давала весьма устойчивый базис для имперской политики. Разве тут нет прямой переключки с Лениным? Заканчивается глава критикой взглядов М.С. Грушевского, который приоритетную роль в освоении южных ареалов от Карпат до Кавказа приписал украинцам, причем украинская колонизация, по его утверждению проникла даже в горную область Кавказа и прикаспийские степи. Между тем, все было гораздо сложнее. В среде казачества Кубани, особенно после создания в 1860 г. Кубанского казачьего войска путем объединения Черноморского казачьего войска и 6 бригад Кавказского линейного казачьего войска усилились консолидационные процессы. Это ускорило выработку единого самосознания (кубанский казак; вместо черноморец, линеец). Усилилось и взаимодействие русской и украинской этнокультурных традиций. По словам Ф.А. Щербины, в ряде станиц население «получило смешанную, двойную окраску: образовалось нечто среднее между великороссами и малороссами». Особенно это было характерно для Закубанья. Тесное взаимодействие русских и украинских традиций привело к тому, что местное население говорило о себе так: «Ми ні те, ні се (т. е. ни русские, ни украинцы – Авт.). Ми перевертні. Ми кубанці». Подобные процессы шли и в Восточном Предкавказье, хотя здесь они были отмечены своей спецификой, связанной с непростым характером адаптации и интеграции украинского и русского компонентов восточнославянского населения.

¹ Правда, в эти 10 % он ошибочно включал Грузию и Армению, на что верно указывает автор.

Глава II «Переселение сектантов на периферию» показывает нам один из путей заселения кавказской окраины русским элементом, а именно, с помощью, как выражается автор, «оппозиционных официальному православию слоев населения», каковых мы, со своей стороны, именовали бы «религиозными диссидентами». В связи с ограниченностью объема мы не можем сейчас детально входить в область подоплеки раскола, которой касается автор, но согласимся с его мыслью, что восстановление государственного единства предполагало унификацию и устранение накопившихся расхождений в области вероучения и культа (с. 81), ибо усиление абсолютистских тенденций в общественной жизни требовало того же и в делах религии. Такие религиозные деноминации, как старообрядцы, молокане и духоборы подверглись выдавливанию на периферию государства. Причина этого, по В.А. Матвееву, предоставившему сравнительный анализ их учений (с. 87–97), заключалась, в том, что противопоставление себя официальной церкви осуществлялось ими, не в последнюю очередь, недовольством существующими порядками. Однако и сами представители указанных деноминаций имели свои основания для того, чтобы оказаться в Закавказье, а именно, эсхатологические упования (наступление тысячелетнего царства, согласно учению молокан, следовало ожидать, в частности, близ Арарата (легенда о Ноевом ковчеге) (с. 104). Автор полагает, что стержнем для сплочения разнородных этнических общностей на Кавказе выступало государственное объединительное начало, которое поддерживало равновесие между конфессиями и выполняло охранительные функции. Опорой для него на ранних стадиях в периферийных ареалах служило, прежде всего, русское население (с. 97). Мы согласны с В.А. Матвеевым в этом заключении, причем не стали бы ограничивать опорную роль русского (и в целом, восточнославянского) населения лишь «ранними стадиями». Современная дерусификация Северного Кавказа несет прямую угрозу российской государственности в этом регионе, который, как констатируют некоторые современные аналитики, «отчаливает от Российской Федерации». Однако в исследуемый историком период к «опорному элементу» официальных властей В.А. Матвеев причисляет и названные выше религиозные деноминации. Между тем, на наш взгляд, следует более осторожно оценивать роль сектантов в укреплении российской государственности в ту эпоху. Описанная историком картина противоречива. С одной стороны, они действительно играли немаловажную роль в местной экономике, (извоз, животноводство и др.), исполняли налоговые и иные повинности, сочувственно относились к успехам и неудачам Отечества (сославшего их!) во внешней политике. В их среде в экстремальной обстановке обострялось сознание русскости, а этнические начала стали преобладать над религиозными (с. 107, 112–113). С другой же, благонадежность и законопослушание сектантов были, мягко говоря, весьма относительными. Духоборы, например, не желали служить в армии, отдельные группы староверов же, не желая подчиняться требованиям властей, бежали в имамат Шамиля, где основывали скиты.

В реальности, их «благонадежность» могла проистекать от того факта, что только власть и могла реально защитить их от недружественных действий иноэтничного окружения, о которых будет сказано ниже. Что же касается вклада сектантов в российское экономическое освоения Кавказа, то стоит глубже затронуть вопрос о том, как влияли особенности их учений на этот процесс, а именно: каковы были взгляды сектантов на накопление, богатство, роль денег, и т. д. Ведь ориентация на индивидуальный успех у молокан, что, в самом деле, сближало их с европейским протестантизмом (с. 102), должна была быть конкретно сопряжена со всем этим через соответствующие механизмы, которые нуждаются в специальном описании. Иными словами, вклад религиозных диссидентов в модернизацию Кавказа Россией требует дальнейшей конкретизации.

В *главе III* «Складывание специфики на юге» автор рассуждает о ситуации, сложившейся, прежде всего, в Закавказье в связи с присоединением к России по Сан-Стефанскому договору с Османской империей 1878 г. Ардагана, Батума, Баязета, Карса. В частности, он затрагивает один из самых болезненных вопросов кавказской действительности, связанный с формированием русской оседлости на Кавказе, особенно Северном, и представлявший для нее наибольшую угрозу – грабежи и разбои, подогревшиеся турецкой агентурой. Методически важной стороной данной главы является стремление автора определиться с дефинициями «колония» и «колонист», как тесно связанными с проблемой иноэтничной оседлости на Кавказе. По В.А. Матвееву, на Кавказе колониями называли поселения выходцев из зарубежных стран, как правило, европейских. На восточных славян оно не распространялось. Одновременно, автор отмечает, что обозначение «колония» использовалось на первых порах и к незначительной группе русского населения, например, при появлении ссыльных и добровольно переселившихся сектантов в Карскую область. При этом исследователь делает принципиальное указание на то, что согласно современной этнологии, длительно проживающие на той или иной территории государства переселенцы должны считаться «коренным» наряду с автохтонным (см. выше) постоянно проживающим населением (с. 119–120).

Как бы то ни было, но положение российской власти на вновь присоединенной территории было довольно шатким, учитывая то, что русских в Карской области было всего 7 %, из них 5 % – сектанты, духоборы, 2 % – православные (военнослужащие). Тем более что по признанию самого же автора, у мусульманского населения Карской области было устойчивое тяготение к единой Турции, в отличие, от Северного Кавказа, где таких настроений придерживалось меньшинство населения (с. 124–125). В.А. Матвеев прав, что в такой ситуации создавался непреодолимый цивилизационный разлом, являвшийся принципиальным препятствием для российской интеграции. Иными словами, удержание этих земель Россией было исторически неперспективно. Заметим, что и в данной главе автор продолжает настаивать на том, что духоборы и молокане Карской области воспроизводили лучшие

общины русские традиции, которые помогали организовать высокоэффективное, налаженное сельскохозяйственное производство, которое здесь ранее отсутствовало (с. 123, 126). Если историк подразумевает товарное производство, тот тут он, вероятно, прав. Но если речь идет об обычных сельскохозяйственных занятиях местного населения, то они существовали здесь с древнейших времен. Впрочем, самая принципиальная часть третьей главы посвящена конфликту правительства с духоборами, за которых активно вступился Л.Н. Толстой. По его описанию, кавказские духоборы по своим религиозным убеждениям отрицали необходимость нести военную службу, соблюдать церковную обрядность, признавать частную собственность и т. д. (с. 133). В конечном счете, многие духоборы мигрировали в другие страны – Австралию, Бразилию, Канаду и др., утратив при этом, в большинстве своем, состояния (полагаем, что будущие исследования могут пролить свет на судьбу их «наработок» в экономической области для тех территорий, где сектанты жили по время кавказской ссылки) (см. выше). Наиболее же важно в этой истории то, что правительство не шло на уступки этой деноминации, как, например, менонитам, освобожденным от призыва (воинский устав 1874 г., ст. 157) (с. 135). Весьма терпимыми власти были и в отношении мусульман. В.А. Матвеев последователен в данной главе в своей позиции относительно положения о важности сектантов как интеграционного фактора в сближении России и Кавказа (с. 149). Однако их роль в цивилизационном равновесии была хрупка и ненадежна. Власти же реализовали в их отношении известный принцип: бей «своих», чтоб «чужие» боялись. Ставка на колонизацию Закавказья религиозными диссидентами если и была, то являлась, в целом, ошибочной. Скорее, их отселение на кавказскую периферию играло, в конечном счете, охранительную функцию по отношению к русскому населению империи.

В главе IV «Колонизация Северных ареалов» автор рассматривает роль русского этнического элемента, преимущественно, казачества, в интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства. В.А. Матвеев неоднократно указывает на большую роль в обеспечении безопасности в контактных зонах казачеством, как наиболее подготовленной и мобильной частью населения, самой организованной в военном отношении разновидностью русского этнического сообщества, которое играло роль прикрытия для остальных разновидностей христианского населения (с. 156, 182 и др.), что, в принципе, справедливо. Именно по причине своей наибольшей способности к самоорганизации казачество в дальнейшем было разгромлено Советской властью¹.

¹ Однако история сыграла злую шутку: после 1991 г., когда советская власть сошла с исторической сцены, защитить русское и русскоязычное население, например, в Чеченской республике, как и порядок, законность в целом в этом субъекте РФ, оказалось некому: воинские формирования были выведены с ее территории. Возрождающееся же тогда казачество оказалось еще слишком слабым и неорганизованным для исполнения своей прежней роли и подверглось гонениям со стороны дудаевско-масхадовского режима наряду с остальными «русскоязычными».

Рассуждения историка подкреплены рядом демографических выкладок, в том числе и тем фактом, что у северокавказского казачества в начале XX в. прирост населения был на 10 % выше, чем у иноэтничного населения за счет еще ранее предоставленных властями казакам преимуществ (с. 172). Рост удельного веса казачества, как указывает автор, в начале указанного столетия продолжался и держался на уровне 27 % (с. 173). В целом же, восточные славяне преобладали на Северном Кавказе (75 % от общей численности народов региона). В Закавказье же эта цифра составляла всего 6 %. В то же время немаловажно, что естественные показатели роста населения на Северном Кавказе были выше у мусульманского населения (с. 171). Мы согласны с В.А. Матвеевым в его оценке значения укрепления на Северном и Южном Кавказе русского (и восточнославянского) населения, как фактора политической стабильности и государственной консолидации (с. 182). Мы бы сказали, что оно было своеобразным «разбавителем» местных этносов, у которых могли быть исторически сложившиеся претензии друг к другу (кровная месть, территориальные споры и т. п.). Наличие же русской прослойки смягчало эти конфликты, а то и вовсе способствовало их прекращению. В то же время весьма важно было бы констатировать тот факт, что русское население было серьезным фактором модернизации, и это касается не только (а в отношении Северного Кавказа – не столько) сектантов.

Тем не менее мы бы не стали, вслед за автором, преувеличивать значение казачества, как основной силы, обеспечивавшей безопасность восточных славян. В одной из предыдущих монографий В.А. Матвеева относительной ситуации, возникшей на Северном Кавказе в результате событий 1917 г., убедительно показано, что внутри восточнославянского населения наблюдался раскол на казачество и «иногородних». Имели место, с одной стороны, как попытки терского казачества дистанцироваться от последних, так, и, напротив, по мере ухудшения ситуации, проявилась тенденция консолидации с ними [5].

В главе V «Переформатирование пространства в 1917–1921 гг.» автор рассматривает те драматические геополитические перемены, которые последовали за обеими русскими революциями 1917 г., и их роль в исторических судьбах русского (восточнославянского) населения Кавказа.

В.А. Матвеев уделяет немало места критике политики большевиков, развивавшейся в русле Брестского мира и базировавшейся на идее «мировой революции». Поскольку эта тема весьма обширна и выходит за рамки рецензируемой монографии, мы не станем детально в нее углубляться и отметим лишь следующее. Бесспорно, что начавшиеся потрясения самым отрицательным образом повлияли на ситуацию «русского мира» на Кавказе, само возникновение которого, как здесь, так и в других «нерусских» частях империи было объявлено «захватом царей». Автор объясняет такой концептуальный подход ложными представлениями В.И. Ленина об особенностях становления России как государства (с. 185). Рисуя картину разрушения русской этносферы края, сопровождавшегося массовым перемещением

населения (т. е. беженцев) вглубь России¹, историк вновь применяет идею «цивилизационного разлома», к чему мы относимся с пониманием. Но, между тем, целесообразно было бы в данной ситуации, как и применительно ко всей работе в целом, вспомнить и о теории «фронттира», в которой определяющим моментом является понятие о «неопределенности», являющейся сущностной стороной ситуаций, подобных кавказской. Казалось бы, нахождение присоединенных кавказских территорий в составе Российского государства было фактом свершившимся, открытые очаги сопротивления были устранены еще в XIX в. Но противники теории «фронттира», к которым еще совсем недавно относились и мы сами, не учитывали такой грани проблемы, как ментальность. В ее сфере «фронттир», как показали в будущем события двух «чеченских войн», не исчез никуда. Такая доминирующая часть ментальной сферы, как маскулинность, закреплённая через исламские ценности, и постулирующая необходимость самоутверждения через сопротивление (правы те историки, которые пишут: «горская культура по преимуществу была культурой борьбы и для борьбы») [2, с. 235] далеко не исчерпала потенциал для реализации, тем более в изучаемое автором время.

Разумеется, все особенности ситуации 1917–1921 гг. невозможно свести только к проявлениям «фронттирности». Например, территориальные уступки большевиков, в ходе которых они поступились, в частности, историческими интересами армянского народа (Московский договор 1921 г.), были выражением их надежд на скорые революции в странах Востока, прежде всего, мусульманских. В.А. Матвеев, прав, указывая: «Ленин и его окружение несут непосредственную ответственность за игнорирование российских государственных интересов» (с. 207). Это, в принципе, так, но нужно понимать и то, что у большевиков был свой «формат» интересов – интернационалистский и глобалистский. Троцкий и Ленин готовы были принести ему в жертву многое. Их оппонентом в самом недалеком будущем выступил И.В. Сталин. Но его строительство «красной империи» потребовало новых жертв, возможно, еще больших, чем проекты отечественных «глобалистов».

В конце концов потрясения на Кавказе и Юге России, как отмечает В.А. Матвеев, закончились с нарушением справедливости по национальному признаку, с утратой геополитических позиций, сужением цивилизационного пространства и игнорированием судеб людей. Все верно. Но если мы вспомним события начала 1990-х гг. в нашей стране, то все повторилось, причем

¹ Сообщая о массовом переселении сектантов из Карской области в Россию в 1922 г. автор с горечью пишет о том, что этим несчастным никто не оказывал помощь (с. 209). Возникает вопрос – а в самом начале 1990-х гг. кто-либо оказывал помощь беженцам из Чечни? Как непосредственный участник этого исхода могу ответить – нет. Каждый покидал малую родину на свой страх и риск, и не всем удалось сделать это. Что же касается приема на новых местах проживания, то и ныне есть немало беженцев, живущих в котельных и т. п. объектах, которые могут только мечтать о «компенсации» и т. д. Отношение же местного русского населения к «своим» выходцам из Чечни и других «горячих точек» – это вообще тема отдельного разговора.

с еще более трагическим размахом. По-видимому, дело не в том, кто в конкретный момент у власти в Центре, а каково ее состояние. Как нам уже доводилось замечать в рецензии на упоминавшуюся выше работу В.А. Матвеева, бедственное положение на Северном Кавказе и гонения на русское население, в особенности в периоды обострений внутривластной ситуации – «четкий маркер слабости центральной власти» [6].

В Заключении автором подводятся итоги исследования. Укажем на наиболее принципиальные из них. Итак, колонизация способствовала расширению пределов российской государственности. Значительная часть занимавшихся земель включалась в состав России мирным путем. Русская оседлость породила исторические реалии складывания контактных зон сближения. Наиболее высокую заинтересованность к включению в состав России Кавказа проявляло христианское население, что было условием его выживания. Присутствие русских сектантов увеличивало потенциал солидарного взаимодействия с другими народами Кавказа. Русская колонизация складывалась из народной и правительственной инициатив. Но содействие правительства и его соответствующие решения при заселении окраин определяющего значения не имели¹. Восточнославянская колонизация Кавказа сопровождалась смешением населения и способствовала постоянным межэтническим контактам. На государственном уровне выдерживался критерий Единого Отечества. Увеличение численности благонадежного населения на Кавказе ослабляло вероятность его отторжения. Колонизация ослабляла вероятность утраты территории. Важнейшую роль для поддержания идентичности у восточнославянского сообщества играл фактор единства веры. Русская колонизация Кавказа являлось одной из составляющих предпринимавшихся усилий на сплочение разнородных этнических общностей. Восточнославянская оседлость являлась интегрирующим фактором. Скрепляющим стержнем для них выступало объединительное государственное начало, поддерживающее равновесие между конфессиями и выполняющее охранительные функции.

Мы можем согласиться с большинством из выводов ученого. В то же время не можем не заметить того, что российское государственное начало во все времена могло и поступаться интересами русских, христианских (в наше

¹ Мы не можем вполне согласиться с этой точкой зрения. Правительство приняло ряд указов, облегчающих переселение крестьян, т. н. иногородних, на территорию Северного Кавказа. Так, за 30 лет (1867–1897 гг.) в Кубанскую область прибыло 946,4 тыс. переселенцев (общая численность населения составила более 1 млн 900 тыс. чел.). Основную их массу составили крестьяне Воронежской, Курской, Орловской, Полтавской, Харьковской и др. губерний. Эту особенность динамики этнической структуры населения Северного Кавказа некоторые исследователи именуют «славянизацией» (Матвеев, О. В. Этнические миграции на Кубани: история и современность / О. В. Матвеев, В. Н. Ракачев, Д. Н. Ракачев. – Краснодар, 2003. – С. 49; Белозеров, В. С. Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. – М., 2005. – С. 50).

время и русскоязычных) общин в пользу национальных сил для приобретения их лояльности¹. Монография В.А. Матвеева является серьезным вкладом в изучение проблем интеграции Кавказа в состав России и строительства межнациональных отношений в этом многонациональном регионе. Сделанные же нами замечания должны способствовать дальнейшему обсуждению темы, освещенной автором в рассмотренном исследовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев, В. А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – начале XX вв. / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д. : Изд-во Южного Федерального университета, 2018. – 240 с.
2. Лазарян, С. С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки / С. С. Лазарян. – Пятигорск, 2009. – С. 215–227.
3. Булатов, Б. Б. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период / Б. Б. Булатов, Р. И. Сефербеков // Вестник Академии наук Чеченской республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104.
4. Лермонтов, М. Ю. Кавказец / М. Ю. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 4. – М., 1965. – С. 137–140.
5. Матвеев, В. А. Националистическая Вандея и проявление устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д ; Таганрог, 2017. – С. 159–161.
6. Дударев, С. Л. О новом монографическом исследовании В.А. Матвеева по истории Северного Кавказа / С. Л. Дударев // II Виноградовские чтения : материалы II Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). – Армавир, 2018. – С. 206–209.

REFERENCES

1. Matveev V.A. *Russkaya osedlost' na Kavkaze: osobennosti formirovaniya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vv* [Russian settledness in the Caucasus: features of formation in the second half of the XVIII – beginning of XX centuries]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2018. 240 p.
2. Lazaryan S.S. *Vorontsovskiy Kavkaz. Istoricheskiye ocherki* [Vorontsov Caucasus. Historical essays]. Pyatigorsk, 2009. pp. 215-227.
3. Bulatov B.B., Seferbekov R.I. The Russian population of the cities of Dagestan: dynamics of the number and causes of the outflow in the post-Soviet period. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy respubliki = Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*, 2018, No. 4 (41), p.104 (In Russian).
4. Lermontov M.Y. *Kavkazets* [Caucasian] *M.Y. Lermontov. Collected works*. Moscow, 1965, pp. 137-140 (In Russian).

¹ В период командования на Кавказе такой знаковой фигуры как А.П. Ермолов российские власти в обмен на преданность мусульманской верхушки Балкарии сквозь пальцы смотрели на искоренение христианства на данной территории (Батчаев, В. М. Балкария в XV – начале XIX в. / В. М. Батчаев. – М., 2006. – С. 178). В.А. Матвеев в отношении судьбы русских беженцев пишет: «Проблема русских беженцев большевистским руководством не воспринималась» (с. 217). Но в наше время дело обстояло не лучше [5].

5. Matveev V.A. *Natsionalisticheskaya Vandeya i proyavleniye ustoychivosti rossiyskoy integratsii na Severnom Kavkaze v krizisnykh usloviyakh* [Nationalist Vendée and the manifestation of the stability of Russian integration in the North Caucasus in crisis conditions]. Rostov-on-Don; Taganrog, 2017. pp. 159-161.

6. Dudarev S.L. About a new monographic study by V.A. Matveev's on the history of the North Caucasus. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Materials of the II International Scientific and Practical Conference* (Armavir, ASPU, April 7, 2018). Armavir, 2018, pp. 206-209. [In Russian].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев С.Л. Новое исследование о судьбах русского населения Кавказа / С.Л. Дударев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 37–50.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S.L. A New Research on Destinies of the Russian Population of the Caucasus / S.L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 37–50. (In Russian).